

© 2019 г.

М.К. ГОРШКОВ

О СОЦИАЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПОСТСОВЕТСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ГОРШКОВ Михаил Константинович – доктор философских наук, академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (director@isras.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных последствий почти 30-летнего периода постсоветских трансформаций. Эмпирическую основу составили результаты девяти волн общероссийского социологического мониторинга 2014–2018 гг. Современная социальная структура пореформенного российского общества рассматривается в контексте его доходной стратификации и в межстрановом сравнении. Оценки уровня и качества жизни разных групп даются с учетом показателей объективного и субъективного благополучия/неблагополучия россиян, основанных на их восприятии текущей социальной реальности. В качестве ключевых показателей субъективного благополучия/неблагополучия рассматриваются степень удовлетворенности различными аспектами их повседневной жизни, а также характерные для них в разных общественных ситуациях психоэмоциональные состояния. При обобщающем анализе социальных результатов четверти века российских трансформаций рассмотрена также динамика социальной мобильности россиян с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Анализ произошедших социальных изменений автор завершает формулировкой ряда постулатов о социальных результатах постсоветских трансформаций. Сделан вывод, что в современной России главная проблема заключается не в том, «сколько» должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а как повысить качество государственного участия.

Ключевые слова: постсоветские трансформации • социальная структура • доходная стратификация • неравенство • объективное благополучие • субъективное благополучие • социальная мобильность • массовое сознание • социально-психологические состояния

DOI: 10.31857/S013216250007445-2

В традициях отечественного социального знания – делать предметом научного анализа каждый значимый исторический рубеж, через который проходит российское общество. В былые времена в этом жанре исследовательского творчества лидировали представители исторической науки, а в последние десятилетия к нему стали обращаться и ученые других отраслей социогуманитарного знания, прежде всего, социологи и политологи [Горшков, 2017; Двадцать лет реформ..., 2011; Двадцать пять лет..., 2018; Жизненный мир россиян..., 2016; От Ельцина до Путина..., 2007; Россия: итоги..., 2010; Четверть века..., 2015; Russia: The challenges..., 2011; The Social History..., 2016].

Надвигается 30-летие начала постсоветских реформ, когда с неизбежностью надо будет представить, причем в логике целого и его частей, в диалектике сущности и явления (когда, выражаясь философским языком, новая «сущность является», а само явление оказывается существенным), а также в контексте социологически измеряемого и социально диагностируемого, некую достижимую результативность за длительный период развития.

Конечно, представители различных социальных наук будут по-разному подходить к решению такой масштабной и многоаспектной исследовательско-аналитической задачи. Свой объем работы в данном контексте надлежит выполнить и социологической науке, тем более что солидный эмпирический и теоретико-методологический материал имеется. В его основе – общенациональные репрезентативные опросы, система многолетне-апробированных постоянных и контекстно переменных показателей, позволяющих социологическими методами выявлять социально сущее и его проявления во времени и пространстве¹.

Рассмотрим наиболее важные изменения, которые не только повлияли кардинальным образом на внешний облик пореформенного российского общества, но определяют в настоящее время его сущностные социальные основания и вряд ли к предстоящей 30-летней юбилейной отметке претерпят глубокие изменения.

Трансформация объективных оценок благополучия. К важнейшим изменениям относятся, прежде всего, результаты *радикальной трансформации социальной структуры*. Во все времена и эпохи именно она являлась несущей конструкцией общества, определяла устойчивость и движущие силы его развития, как и назревающие в нем потребности перемен.

Социальную конструкцию общества анализируют под разными углами зрения. Можно выделять классовую и профессиональную структуры, изучать составляющие общество стилевые группы, выстраивать модели доходной и статусной стратификации и т.д. Однако поскольку после затяжного экономического кризиса 2014–2016 гг. продолжает оставаться острой проблемой низкий уровень реальных доходов населения, то анализ доходной стратификации российского общества можно определить как основной при выстраивании социальной структуры современной России.

Таковым он, скорее всего, будет являться и в последующие годы, что объясняется, как минимум, тремя причинами. Во-первых, доходная стратификация позволяет объективнее понять, на какие слои населения кризисные экономические ситуации воздействуют в первую очередь, кто и в какой помощи со стороны государства нуждается в приоритетном порядке. Во-вторых, она имеет принципиальное значение для разработки адекватных целей социальной политики, а в частности определения подвижных границ как потенциально и реально уязвимых групп, так и средне- и высокообеспеченных слоев населения. Это необходимо для разработки налогового, инвестиционного и иных направлений политики. Ведь важно понимать, с какого уровня доходов следует, например, устанавливать прогрессивный подоходный налог, или чем характеризуется потребление средне- и высокодоходных групп, а, значит, к каким слоям населения и в каких формах целесообразно обращаться для привлечения инвестиций в развитие экономики и т.д. И, в-третьих, – оно же и главное – это важно для понимания, сложилась ли в России после почти 30 лет кардинальных преобразований устойчивая модель доходной стратификации, и как она соотносится с подобными моделями в других странах.

В методическом плане модель подобной стратификации можно строить, используя два научных подхода – абсолютный и относительный. Абсолютный подход предполагает, что границы между доходными группами задаются априорно, как некая сумма денежных средств. Относительный же подход исходит из того, что основой доходной стратификации должна выступать медиана распределения доходов, отражающая существующий в обществе «усредненный» стандарт жизни. Если абсолютный подход предпочитают экономисты, то относительный, позволяющий выделить людей, не способных поддерживать общепринятый в обществе уровень жизни, и тех, у кого он значительно выше общепринятого, пользуется большей популярностью среди социологов.

¹ В активе Института социологии ФНИСЦ РАН – результаты последних лет (по РНФ № 14-28-00218, 2014–2018 гг.), представленные в пятитомной серии монографий «Российское общество и вызовы времени».

Таблица 1

Основные слои российского общества по показателям его доходной стратификации
(октябрь 2018 г., в %)

Слои	Доходы относительно медианы
Состоятельные	От 4 медианы и более
Обеспеченные	От 2 до 4 медиан включительно
Среднедоходные	От 1,25 медианы до 2 медиан включительно
Медианная группа	От 0,75 до 1,25 медианы включительно
Уязвимые	От 0,5 до 0,75 медианы включительно
Бедные	От 0,25 до 0,5 медианы включительно
Глубокая бедность	До 0,25 медианы включительно

Примечание. Справочно: медиана (руб.) – 15 тыс.

Ключевой вопрос при использовании относительного метода: какой процент от медианы надо брать в качестве порогов, разделяющих различные доходные группы? Опираясь на распространенные за рубежом методики выделения границ между слоями, различающимися уровнем своих доходов, а также на данные мониторинговых исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, его ученые выделяют шесть таких порогов и соответственно семь основных доходных групп современного российского общества (табл. 1)².

Медиана доходов в России не меняется (с поправкой на инфляцию) уже несколько лет. Не изменилась она и за период кризиса 2014–2016 гг., и в посткризисные 2017–2018 гг., хотя средние доходы за это время не только по социологическим, но и по статистическим данным немного выросли. Это означает, что основная масса населения имеет доходы практически на том же уровне, что и до последнего кризиса. Выросли же доходы за этот период лишь у наиболее благополучного слоя населения.

В целом построенная модель социальной структуры российского общества довольно симметрична относительно медианы (рис. 1). Последнее десятилетие эта модель отличается устойчивостью, а основным изменением выступает плавный рост медианной группы.

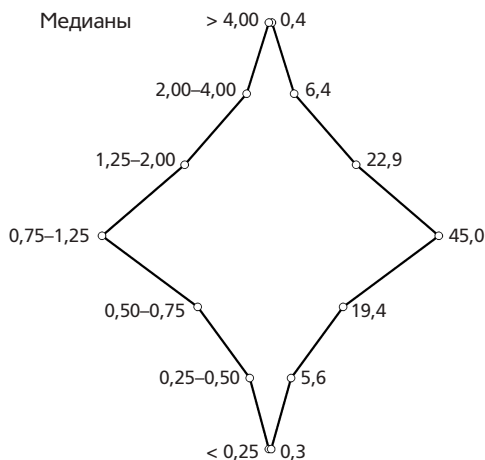

Рис. 1. Модель доходной стратификации российского общества, построенная на основе страновой медианы (октябрь 2018 г., в %)

²Пороговые показатели доходных групп населения, как и сама модель доходной стратификации пореформенной России (на октябрь 2018 г.), разработаны научной группой ИС ФНИСЦ РАН под руководством проф. Н.Е. Тихоновой.

Современная модель доходной стратификации позволяет утверждать, что *российское общество выглядит в настоящее время как «общество среднедоходных слоев»*. Фактически население страны (без учета верхних 2% богатых россиян, не попадающих в выборки массовых опросов) делится на три группы. Первая, объединяющая россиян с разной глубиной бедности, составляла на осень 2018 г. чуть более четверти населения, попадающего в выборки массовых обследований. Вторая (собственно медианная группа) является наиболее массовой и составляет более 40% наших сограждан. Представители данной группы выражают усредненный стандарт жизни российского общества. Причем это – отнюдь не такие условия, которые обеспечивают только физическое выживание. И по товарам длительного пользования, и по наличию у них в собственности движимого и недвижимого имущества входящие в состав медианной доходной группы в массе своей не относятся к бедным слоям населения, а могут, скорее, характеризоваться как малообеспеченные. Третья группа охватывает около 30% россиян. Это – представители относительно благополучных слоев, чьи доходы заметно выше страновой медианы распределения доходов.

С учетом выделения вполне благополучной группы населения уместно обратиться к динамике показателей децильного коэффициента, отражающего неравенство доходов 10% самых обеспеченных и 10% самых необеспеченных россиян (рис. 2). Как видно, основной рост разрыва в уровне доходов населения РФ пришелся на первые годы реформ и в дальнейшем имел тенденцию значительного роста. Некоторое снижение в 2015–2018 гг. связано отнюдь не с достижениями социальной политики в тот период, а с изменением ситуации в пик кризиса на валютной бирже (которая в дальнейшем оказалась достаточно устойчивой), что не могло не отразиться негативно на материальном положении той благополучной части населения, которая имеет валютные сбережения.

Если сопоставить визуализированные модели доходной стратификации в России и в других неевропейских развивающихся странах, например, в Китае, то видно, что *наша страна принципиально отличается от китайского общества, во-первых, массовостью средних слоев, во-вторых, заметно меньшей долей глубоко бедного населения и, в-третьих, меньшей, по меркам КНР, долей наиболее обеспеченного слоя граждан* (рис. 3).

Если же сопоставить модель доходной стратификации пореформенной России с моделью такой развитой европейской страны, как Германия, то хотя общий уровень доходов в ней значительно отличается от российского, общие контуры модели ее доходной стратификации очень близки к российским (рис. 4). Кроме того, для России характерна большая, чем для Германии, сосредоточенность населения в медианной группе.

Трансформация субъективных оценок благополучия. Изучение доходной стратификации российского общества позволяет получить картину объективного благополучия/неблагополучия разных слоев населения. Однако в последние годы в отечественной среде обществоведов, в том числе экономистов, все чаще речь заходит о важности и необходимости оценки качества жизни через измерение субъективного благополучия населения. Действительно, пусть с некоторым запозданием³, но наше экспертное сообщество вслед за западно-европейскими экспертами пришло к пониманию того, что только экономические показатели доходов, расходов, потребления и др. не могут дать полной картины качества жизни. Показатели субъективного благополучия или неблагополучия являются важнейшей и неотъемлемой качественной характеристикой «социального» и его проявления в повседневной жизни. Это объясняется хотя бы тем, что оно формируется с учетом ряда неэкономических аспектов – культурных, социально-психологических, физических, а также под влиянием рисков и ограничений, с которыми сталкиваются индивиды

³ Еще в 2009 г. был опубликован доклад, подготовленный по поручению Н. Саркози Комиссией по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса. В нем, в частности, подчеркивается, что экономический аспект измерения благосостояния не является достаточным. Его показатели могут входить в противоречие с тем, как само население воспринимает социальную реальность [Стиглиц и др., 2016].

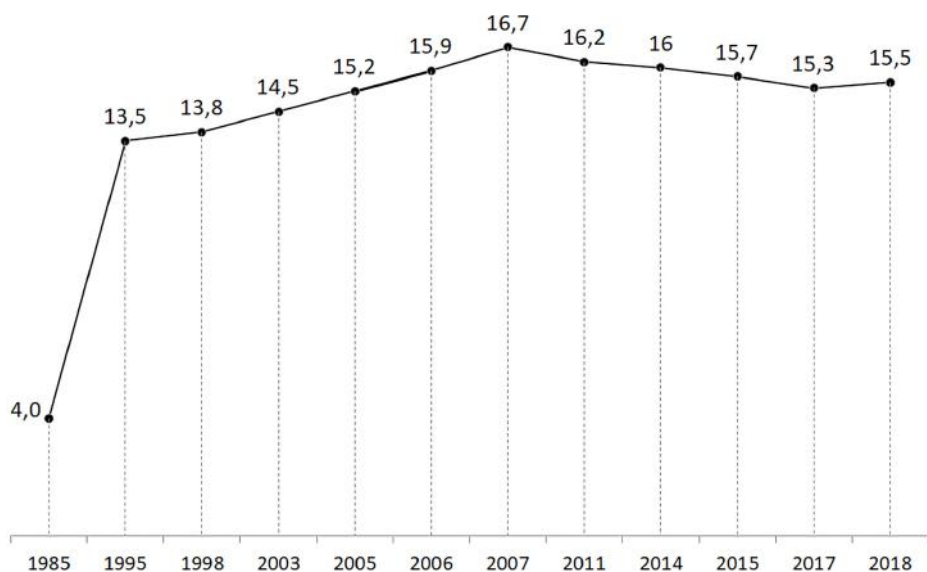

Рис. 2. Динамика показателей децильного коэффициента неравенства доходов (1985–2018 гг., раз)

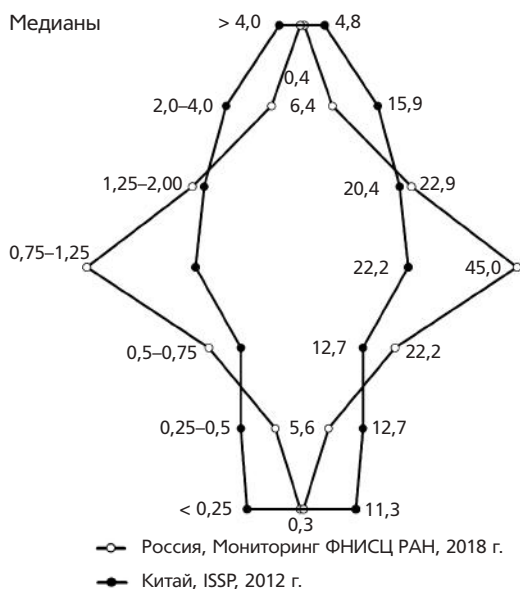

Рис. 3. Модели доходной стратификации в России (ФНИСЦ РАН, 2018 г.) и Китае (ISSP, 2012) (в %)

Источник: [Модель доходной стратификации..., 2018: 210].

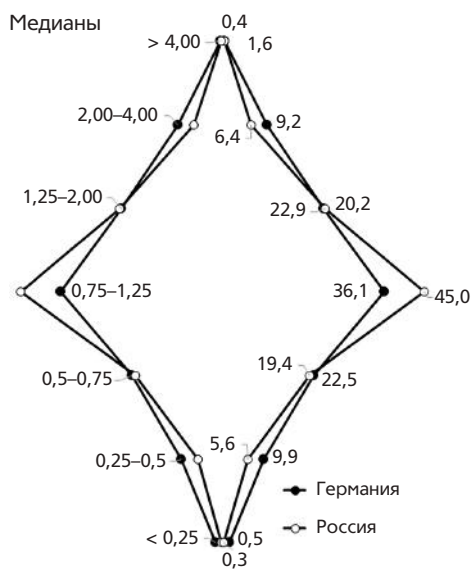

Рис. 4. Модели доходной стратификации в России (ФНИСЦ РАН, 2018 г.) и Германии (ISSP, 2012 г.) (в %)

Источник: [Модель доходной стратификации..., 2018: 207].

или домохозяйства. Поэтому один и тот же уровень дохода может формировать различное качество жизни и различный уровень субъективного благополучия/неблагополучия.

Анализ субъективного благополучия/неблагополучия целесообразно начать с замера массовых оценок тех приобретений и потерь, которые принесли обществу очень разные по своим социальным последствиям периоды 1990-х и 2000-х гг. Данные ИС ФНИСЦ РАН показывают, что *расширение пространства жизненных шансов* в сферах экономических возможностей, самореализации, каналов социальной мобильности связано в *общественных представлениях с 2000-ми гг.*, которые воспринимаются как принесшие значительно бóльшие приобретения, чем «лихие 90-е». Более 70% населения относят к достижениям «путинского» периода насыщение рынка товарами и услугами, свободу передвижения, от 60 до 70% – укрепление частной собственности, открывшиеся возможности для карьеры и развития, расширение доступа к высшему образованию. Более половины считают приобретениями этого периода новые рабочие места, рост благосостояния, появление среднего класса и в целом более интересную жизнь (табл. 2). В то же время существенная доля россиян высказывает в отношении ряда из этих аспектов пессимистические оценки, отмечая, что достижения за всю четверть века реформ были несущественными.

Таблица 2

Оценки приобретений в 1990-е и 2000-е гг. (октябрь 2017 г., в %)

Считают, что приобретениями для общества стали:	1990-е	2000-е
Насыщение рынка товарами	24	78
Свобода передвижения, включая выезд за рубеж	27	72
Укрепление частной собственности	21	69
Большие возможности для самовыражения и личной карьеры	16	62
Расширение доступа к высшему образованию	13	60
Новые рабочие места	13	57
Жизнь стала ярче, интереснее, динамичнее	12	57
Рост благосостояния значительной части населения, появление среднего класса	15	55
Возможность зарабатывать без ограничений	36	44

Примечание. Допускалось до двух ответов по каждой строке.

С другой стороны, не забывают наши сограждане и о тех потерях, которые им принесли 25 лет трансформаций (табл. 3). В социально-экономическом поле *потери в восприятии населения в большей степени смещены в 1990-е гг.*, хотя и для 2000-х более половины россиян отмечают острые проблемы, связанные с ростом цен и платежей ЖКХ, снижением качества социальных услуг, ростом неравенства, отсутствием социальной справедливости и страхом за будущее детей [Двадцать пять лет..., 2018: 42].

С учетом общественных оценок приобретений и потерь в ходе реформ, важным представляется выявление проблемного поля, сложившегося в массовом сознании наших сограждан в отношении того, что их больше всего беспокоило из накопившихся за последнее пятилетие проблем и продолжало тревожить к концу 2018 г. Не удивительно, что под влиянием сложных экономических условий текущие проблемы, вызывающие у россиян наибольшее беспокойство, оказались связаны в первую очередь со значительным снижением уровня жизни значительной части населения, с моральным состоянием общества, с возможностью зарабатывать, с состоянием здравоохранения и с социальной справедливостью (табл. 4).

Несмотря на колебания показателей тревожности по тому или иному поводу, связанные со спецификой ситуации в стране в конкретные годы, именно *социально-экономические проблемы, так или иначе связанные с благосостоянием россиян, устойчиво лидируют среди всех источников их тревожности.*

Таблица 3

Оценки потерь в социально-экономической сфере в 1990-е и 2000-е гг. (октябрь 2017 г., в %)

Считают, что потерями для общества стали:	1990-е	2000-е
Рост цен, коммунальных платежей	41	72
Снижение качества образования и медицины	43	60
Резкое деление общества на богатых и бедных	57	55
Отсутствие социальной справедливости	55	51
Страх за будущее детей	50	50
Безработица	62	46
Утрата стабильности, чувства безопасности	60	43
Жизнь стала напряженной, утомительной, безрадостной	45	43
Снижение уровня жизни большинства населения	65	42
Утрата уверенности в завтрашнем дне	61	40

Примечание. Допускалось до двух ответов по каждой строке.

Таблица 4

Оценка россиянами изменений в различных сферах жизни российского общества за последние 5 лет (октябрь 2018 г., в %)

Сферы	Хуже	Лучше	Без изменений
Уровень жизни населения	49	15	36
Международное положение страны	49	19	52
Здравоохранение	47	11	42
Моральное состояние общества	41	14	45
Возможность зарабатывать	37	16	47
Социальная справедливость	35	9	56
Состояние экономики страны в целом	34	26	40
Дошкольные детские учреждения	17	29	54
Борьба с терроризмом	12	47	41

При важности обращения к показателям восприятия населением основных приобретений и потерь за годы реформ, а также проблем, с которыми оно регулярно сталкивается, все же *ключевыми показателями субъективного восприятия условий повседневного существования следует признать степень удовлетворенности населения различными аспектами своей жизни.*

Результаты многолетних исследований ИС ФНИСЦ РАН показывают: россияне склонны давать в целом удовлетворительные оценки разным аспектам своей жизни, а среди выбирающих один из полюсов (оценку «хорошо» или «плохо») преобладают позитивные оценки. Негативные оценки преобладают над позитивными только в таких аспектах, как материальное положение, возможность отдыха в период отпуска и возможность получать качественную медицинскую помощь (табл. 5).

Для определения групп субъективно благополучных и неблагополучных россиян целесообразно использовать кластерный анализ. Он позволяет выделить три кластера россиян, отличающихся оценками своей жизни. Первый кластер можно назвать субъективно благополучным – из всех аспектов жизни, подлежащих социологическому измерению, более половине из них дается оценка «хорошо». Второй кластер – это субъективно неблагополучные россияне, которые, наоборот, отличаются наиболее низким уровнем положительных оценок и высокой долей негативных оценок, но с

Таблица 5

Самооценки россиян удовлетворенности некоторыми сферами своей жизни
(октябрь 2018 г., в %)

Сферы жизни	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Питание	37	56	7
Жилищные условия	37	52	11
Одежда	29	60	11
Возможности проведения досуга	33	49	18
Возможности отдыха в период отпуска	22	51	27
Материальная обеспеченность в целом	17	61	22
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	12	46	42
Жизнь в целом складывается	28	64	8

Примечание. В процессе кластерного анализа по методике ИС ФНИСЦ РАН учитываются 19 показателей. В приводимой таблице приводятся 8 из них. Подробнее см.: [Двадцать пять лет..., 2018: 71].

доминированием удовлетворительных. Наконец, третий кластер можно назвать промежуточным: он характеризуется преобладанием положительных оценок по основным аспектам повседневности.

Доля субъективно благополучного населения в современной России невелика – она объединяет менее четверти россиян (24%), в то время как доля субъективно неблагополучных охватывает 35% населения, а доля занимающих промежуточное положение составляет 41%. В целом же можно констатировать: субъективное благополучие наших сограждан отражается в высоких оценках удовлетворенности всеми аспектами своей жизни, в то время как субъективное неблагополучие – в ярко выраженной неудовлетворенности своим материальным положением и возможностями отдыха и отпуска, а также нейтральными средними оценками других аспектов повседневной жизни.

Субъективно благополучные россияне, можно сказать, обладают диалектическим сознанием: они не только оценивают ситуацию в стране в позитивном контексте, но и фиксируют в ней ряд серьезных проблем. Однако в отличие от субъективно неблагополучных россиян они чаще отмечают позитивные тенденции развития современной России (наличие шансов для осуществления карьеры и заработка, рост в 2000-е гг. возможностей для населения как в профессиональной сфере, так и в реализации жизненных планов в целом и т.п., т.е. тех шансов, которыми они сами, видимо, смогли воспользоваться). Поэтому даже с учетом явных «болевых точек» российского общества, которые отмечают практически все слои населения (прежде всего – рост цен, отсутствие социальной защищенности, коррупция, нарастающее неравенство, снижение качества медицины и здравоохранения), мнения представителей субъективно благополучной части населения о развитии общества оказываются более позитивными.

Примечательно, что, несмотря на количественные различия в доле полярных кластеров, их качественный состав характеризуется преобладанием представителей медианной доходной группы, т.е. доминирующей в стране группы населения. Что это означает? По сути, то, что *одинаковый уровень доходов может по-разному в самооценках людей характеризовать пространство их жизненных шансов. В свою очередь, это приводит и к различиям в оценках степени своего субъективного благополучия.* В конечном счете оно оказывается в большей степени связано с субъективной самооценкой своего материального положения, чем с объективным уровнем доходов.

При локализации территориальных зон субъективного благополучия и неблагополучия выделяются мегаполисы – в них выше доля представителей субъективно благополучного кластера (35% при 24% в целом по стране) и ниже доля субъективно

неблагополучного (24% при 35% среди всего населения). Иначе выглядит ситуация в ПГТ – в них наиболее высока доля представителей субъективно неблагополучного кластера (46%) при минимальной, на фоне других типов поселений, доле благополучного (18%).

Различаются выделенные группы и возрастным составом: если в субъективно благополучном кластере средний возраст составляет 37 лет, то в субъективно неблагополучном – 46, а доля населения в возрасте более 60 лет достигает в них 10 и 46% соответственно. Это подчеркивает важную дифференцирующую роль возраста при оценках субъективного благополучия в современной России.

В целом субъективное благополучие локализуется среди более молодых представителей российского среднего класса, проживающих в крупных городах, в то время как в группу субъективно неблагополучных входят пожилые россияне и представители рабочего класса (в том числе и «новый» рабочий класс, объединяющий работников не физического, но рутинного и не требующего высокой квалификации труда) особенно в условиях сельского образа жизни.

Динамика социальной структуры по шкале социальных статусов. С учетом доходной стратификации и выявленных групп субъективно благополучного/неблагополучного населения целесообразно обратиться к конфигурации общей модели социальной структуры, построенной по самооценкам россиян и их отношению к своей социальной мобильности за последние десятилетия.

Речь идет о шкале социальных статусов, присущих нынешнему российскому социуму. Так, оценивая после 25-ти лет трансформаций свое положение по шкале «социальной лестницы» от 1 до 10 (где 1 – самое низкое положение, а 10 – наиболее высокое), население чаще всего помещает себя в ее середину, на 4-ю – 6-ю ступеньки (рис. 5). Если суммировать эти показатели, получится, что в середине статусного (по самооценкам) распределения оказывается почти 60% населения, а средним значением при этом выступает оценка 4,9.

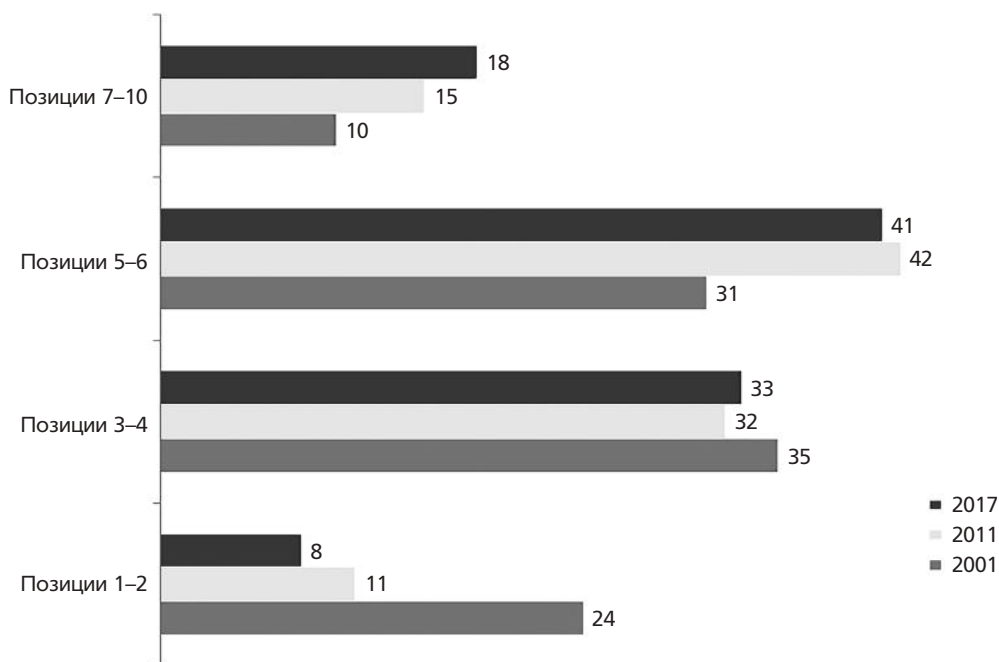

Рис. 5. Динамика самооценки россиянами своего положения в обществе по десятибалльной шкале (2001–2017 гг., в %)

По сравнению с началом 2000-х гг., такое распределение можно охарактеризовать как более благополучное. Сократилась (в 3 раза) численность тех, кто ставит себя на самые нижние позиции, ощущая себя социальным аутсайдером, и, наоборот, возросла (почти вдвое) доля тех, кто выбирает верхние четыре позиции, характеризуясь положительной самооценкой своего социального положения.

В контексте сопоставления имеющихся данных важно отметить, что летом 1998 г., за два месяца до дефолта, доля тех, кто выбрал свои позиции в верхней половине статусной шкалы, составляла 27%, а летом 1999 г. – уже только 19%. Получается, что большинство населения страны 20 лет назад относилось к «социальным аутсайдерам». По мере преодоления крайне негативного наследия 1990-х социальная ситуация в обществе постепенно улучшалась, и к 2007–2008 гг. большинство населения переместилось в середину десятибалльной шкалы распределения, где фактически «закрепилось» к 2011 г. А в 2017 г. доля россиян, помещающих себя на позиции в верхней части шкалы (позиции 5–10), существенно превысила половину населения (59%). Таким образом, сравнение ситуативно-контекстных замеров в их динамике свидетельствует о *последовательном росте самооценок россиянами своего статусного положения в обществе*.

Однако другое измерение социальной мобильности говорит о том, что россияне весьма противоречиво оценивают ее динамику за период с начала реформ. Данные ИС ФНИСЦ РАН показывают, что население в среднем не фиксирует именно *качественных изменений своего положения*. Так, медианное значение разницы в оценках своего положения в 1980-е гг., то есть до начала рыночных реформ, и в настоящее время составляет 0 баллов, среднее – минус 0,3. Тем самым средние значения, по сути дела, скрывают дифференциацию динамики социальных статусов в разных социальных группах. Как считают 28% наших сограждан, их позиция в обществе за период реформ не изменилась, в то время как 41% полагают, что их социальное положение в обществе снизилось (чаще всего на 1 или 2 позиции – 13 и 11% соответственно), а 31% отмечает его повышение (также чаще всего на 1 или 2 позиции – 9 и 4% соответственно) [Двадцать пять лет..., 2018: 77–79].

В итоге получается, что, с одной стороны, сопоставление замеров, осуществленных в *разные периоды реформ, показывает улучшение ситуации с социальной мобильностью россиян*. Но с другой стороны, если отталкиваться от показателей самооценок дореформенного периода, то в ретроспективе *большинство населения оценивает изменения своего социального статуса скорее нейтрально или даже негативно*.

Динамика социального самочувствия. Количественно-качественная характеристика субъективного благополучия/неблагополучия россиян оказалась бы неполной без анализа состояния и динамики их социального самочувствия. В этом отношении следует сразу отметить, что за годы трансформационных изменений неоднократно отмечалось *ухудшение социально-психологического состояния россиян, которое, однако, не переросло в затяжную психоэмоциональную депрессию*. Как только в стране появлялись симптомы улучшения социально-экономической ситуации, практически сразу это отражалось на общественных чувствах и настроениях россиян. Подобная картина наблюдалась, например, весной 2017 г. (т.е. уже в первый посткризисный год), когда доля респондентов, пребывавших в целом в состоянии социально-психологического позитива, достигла 54%, а весной 2018 г. – 60% (табл. 6). Подобная устойчивость «общественной психики» (Г.В. Плеханов) свидетельствует о *высокой степени адаптивности россиян к меняющимся общественным ситуациям*.

В психологической устойчивости российского общества убеждают и сравнительно низкие за рассматриваемый период показатели крайних форм возможных массовых психоэмоциональных проявлений – раздраженности, озлобленности и агрессии (на уровне 9–11%). Таким образом, кризис 2014–2016 гг. и дальнейшая экономическая стагнация хотя и наложили свой отпечаток на повседневные самоощущения россиян, но показали, что россияне *не склонны впадать в панику, им не характерны резкие и тем более затяжные депрессивные перепады социальных настроений*.

Таблица 6

**Динамика оценок россиянами личного социально-психологического состояния
(2015–2018 гг., в %)**

Социально-психологические состояния	2015 октябрь	2016 март	2016 октябрь	2017 октябрь	2018 апрель	2018 октябрь
<i>Позитивные состояния – всего</i>	50	47	52	54	60	53
Эмоциональный подъем	5	4	4	6	13	8
Спокойствие, уравновешенность	45	43	48	48	47	45
<i>Негативные состояния – всего</i>	50	53	48	46	40	47
Безразличие, подавленность, апатия	12	12	13	14	13	11
Тревога	28	29	23	23	20	27
Раздраженность, озлобленность, агрессия	10	12	12	9	7	9

В то же время обращает на себя внимание нарастание в обществе тревожных самоощущений, которые к концу 2018 г. испытывала почти четверть населения. Однако, как это ни парадоксально, подобная тенденция компенсируется общим позитивным фоном социального самочувствия (пусть и на индивидуальном уровне), который выражается в так называемом «индексе счастья», который в последние годы стал весьма популярным международным показателем социального положения населения.

Для российского социума в 2018 г. была характерна неоднозначность оценок своей жизни по показателю «счастье». С одной стороны, как счастливую (безусловно или с некоторыми оговорками) ее расценивали 77% россиян. С другой стороны, большая доля среди них (57% – более половины) полагала, что их счастьем чего-то не хватает, чтобы оно было бесспорным, безусловным.

Наибольшая доля однозначно счастливых людей (29%) наблюдается среди молодежи в возрасте 18–30 лет, т.е. среди тех, кто заведомо более оптимистичен. В то же время уже в следующей возрастной категории (31–40 лет) доля счастливых существенно сокращается (до 20%), а к пожилому возрасту и вовсе падает до 15%. Поселенческий срез демонстрирует, что чем дальше от столиц, тем ощущение счастья выражено сильнее. Наконец, самыми счастливыми себя ощущает высокодоходная часть населения (42%, в то время как среди тех, кто оценил свое материальное положение как «плохое», таковых только 7%). Таким образом, в современной России материальный достаток все больше становится тем универсальным мерилем, которое определяет не только жизнь россиян, но и рефлексию по отношению к ней.

Динамика оценок ситуации в стране. В заключение обзора эмпирических данных социологических опросов рассмотрим, как россияне оценивали ситуацию в России и перспективы ее развития.

По данным на осень 2018 г., в обществе продолжала расти доля оптимистично настроенных россиян: почти треть опрошенных (31%) считали ситуацию в стране вполне нормальной и спокойной. Количество оценивающих ситуацию в стране как катастрофическую оставалось практически неизменным на протяжении всего последнего десятилетия (6–13%). Но при этом более половины россиян (53%) все же заявляли, что ситуация в стране «напряженная, кризисная». Как относиться к тревожной оценке, высказанной большинством населения?

При сопоставлении данных мониторинга ИС ФНИСЦ РАН в годы реформ выясняется: 53% оценивших ситуацию в стране как напряженную – это значительно меньше не только показателей рубежа 2000–2010-х гг. (в 2010 г. был максимум последнего десятилетия – 73%), но и показателей прошедших лет кризиса (65% весной 2016 г.). Даже в самые благоприятные годы ситуацию в России оценивали как сложную (напряженную, кризисную)

порядка 44% населения страны. Поэтому чувство тревоги за судьбу страны можно назвать обычным состоянием «постсоветского» россиянина.

Многолетний социологический мониторинг Института социологии ФНИСЦ РАН выявил еще одну характерную особенность современного массового сознания – существенную дифференциацию оценок респондентами ситуации в разных территориальных единицах (страна, регион, муниципальное образование). Было замечено, что непосредственная среда обитания человека воспринимается им в существенно более благоприятном свете, чем все то, что находится за ее пределами. Так, если на уровне России в целом менее трети россиян оценивали ситуацию как «нормальную, спокойную», то в своем регионе – уже 46%, а в непосредственном месте своего проживания (городе, поселке, селе) – 52%! Это свидетельство того, что личный опыт восприятия действительности менее критичен, чем опыт, почерпнутый из информации федеральных, прежде всего электронных, СМИ (именно они в значительной степени формируют представления об общероссийских событиях) [Информационно-аналитическое резюме..., 2018].

Сравнение оценок изменений, которые уже произошли в стране, с ожиданиями на будущее дает основание полагать: *население современной России ориентировано скорее на будущее, чем на прошлое*. Практически всегда (за редким исключением) негатив прошлого оценивается масштабнее, чем возможный негатив будущего. В этом смысле россияне не склонны экстраполировать негативные оценки прошлого на будущее. Такой настрой, с одной стороны, служит психологической поддержкой в кризисных ситуациях, помогая пережить трудные времена, но, с другой – *неоправданные слишком позитивные ожидания могут впоследствии становиться катализатором роста социального недовольства*.

В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что, хотя доля негативных оценок перспектив развития страны постепенно снижается (с 59% в марте 2015 г. до 47% в октябре 2018 г.), при этом растет не столько доля давших позитивную оценку (она остается на уровне 1/5–1/4 части всего населения), сколько доля тех, кто полагает, что «ничего не изменится» (изменение с 22% в марте 2015 г. до 35% осенью 2018 г.). Таким образом, большая доля населения полагает, что ситуация в стране в ближайшее время вряд ли сильно ухудшится, но и заметных улучшений также не ожидает. Иначе говоря, к концу 2018 г. ситуация в стране в целом воспринималась россиянами скорее как *посткризисная, чем как предподъемная* [Информационно-аналитическое резюме..., 2018].

Обобщающие постулаты. Представленный анализ результатов многолетних исследований Института социологии ФНИСЦ РАН позволяет осуществить научную процедуру «восхождения» от эмпирического к теоретическому. Сформулируем в заключение ряд обобщающих положений, которые допустимо назвать *постулатами* – теоретическими положениями, которые, будучи не до конца доказанными, подкрепляются многими эмпирическими примерами и потому могут быть в первом приближении приняты за истину.

Постулат первый. *Социальное – мощный драйвер (определяющий фактор) «обратного влияния» на функционирование и развитие экономики. И влияние это реализуется через социальные группы, экономически активную часть населения – движущие силы всех социально-экономических процессов.*

Речь идет об экономических изменениях, происходящих под влиянием активно функционирующего человеческого фактора. Это означает, что развитие экономики как социального явления должно рассматриваться не изолированно от процессов, протекающих в других сферах общественной жизни, а в тесной связи с ними, то есть иметь междисциплинарный (мультидисциплинарный) характер изучения. При этом главенствующим субъектом всех взаимосвязанных процессов являются социально-экономические группы, включенные не только в экономику, но одновременно и в другие сферы общественной жизнедеятельности. Данный постулат вытекает хотя бы из того, что любая социально-историческая реальность складывается, утверждается и развивается как результат взаимодействия материального и нематериального, экономического и неэкономического.

Постулат второй. Все модели экономического роста, исходящие исключительно из количественных характеристик развития экономической системы, следует считать крайне ограниченными и неэффективными.

В связи с этим одной из актуальных задач развития современной экономической и социологической науки становится изучение воздействия разнообразных – и в первую очередь социальных – факторов на темпы и устойчивость экономического роста. Обеспечить такое изучение возможно при условии междисциплинарного подхода к анализу экономических явлений и процессов – прежде всего, теоретико-методологической и прикладной «связки» экономического, социологического и социально-психологического.

Постулат третий. Глобальные экономические кризисы и их проявления на уровне национальных экономик убедительно продемонстрировали значимость неэкономических факторов в системе антикризисных мер и возможностей восстановления хозяйственного роста.

Несмотря на наличие обширной научной литературы, посвященной различным аспектам влияния неэкономических факторов на рост национальной экономики, существующий уровень анализа явно недостаточен. Сохраняется категориальная разнородность трактовок и классификаций неэкономических факторов, слабо разработаны социальные механизмы взаимодействия экономических и неэкономических факторов экономического роста, а также вопросы ранжирования и вклада различных неэкономических факторов в развитие национальной экономики в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах.

Постулат четвертый. Экономическая практика и ее аналитика с применением социологической диагностики показывают: экономические и неэкономические факторы экономического развития обладают определенной асинхронностью в масштабах и глубине действия на разных фазах экономического цикла. В период экономического роста роль и значение экономических факторов возрастают, в то время как неэкономические факторы имеют более ограниченное влияние. В периоды же экономического спада – наоборот, роль неэкономической составляющей повышается.

В значительной степени это объясняется ростом в обществе доли самодостаточных россиян, активизацией в кризисных условиях самоинициирующих массовых практик экономического поведения разных групп населения, направленных на поддержание своих домохозяйств.

Постулат пятый. Признавая значимость неэкономических факторов экономического роста, следует признать и необходимость использования в управленческом процессе, наряду с макроэкономическими показателями, и макропоказатели неэкономические. Речь идет о тех, которые характеризуют социальное состояние общества в условиях конкретно-исторической ситуации его функционирования и развития. Такого типа показатели целесообразно именовать макросоциальными, отражающими через социологическую диагностику состояния общества возможности его макросоциального ресурса в поступательном экономическом развитии.

Определение совокупности адекватных макросоциальных показателей состояния и развития современного российского общества актуализирует регулярное (мониторинговое) изучение и осмысление его пореформенной дифференцированности. Как показывают многолетние исследования ИС ФНИСЦ РАН, еще никогда оно не было так сегментировано и разнородно, как это произошло после четверти века социальных трансформаций. Разнородность наблюдается практически по всем ключевым основаниям (критериям): уровень материальной обеспеченности, социальная стратификация, группы интересов, мировоззренческие и идейно-политические ориентиры, ценностные и смысловые установки, позиционирование себя вне личностного и семейного пространства, психоэмоциональное состояние, культурные предпочтения, образ жизни и отношение к национально-историческим традициям в разных типах поселений (от мегаполисов до сельской местности) и другие.

Плюс это или минус для поступательного развития общества? С диалектических позиций, безусловно, плюс, поскольку разнообразие является одним из источников и движущих сил развития. Другой вопрос: как подобная фрагментация общества должна учитываться

при разработке моделей его социально-экономического развития, совершенствовании институтов и механизмов управления, и учитывается ли она в настоящее время?

Постулат шестой. Социальные результаты четверти века российских трансформаций доказали неадекватность постсоветским реалиям той модели рыночных реформ (особенно в 1990-е гг.), которая была заимствована из арсенала западной теоретической мысли и предельно занижала роль государственного участия в решении ключевых социально-экономических и социокультурных задач.

Указанная неадекватность подтверждается не только крайне негативными социальными результатами 1990-х гг., но и последствиями глобального экономического кризиса 2009–2010 гг., положившего начало переосмыслению неолиберальных воззрений, в том числе и на Западе.

В условиях пореформенной России ключевыми задачами для государственного участия являются, прежде всего: преодоление глубокого и не оправданного экономическими причинами имущественного расслоения населения, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, экономически необоснованной и несправедливой оплаты труда работников многих профессий, обеспечение достойного уровня развития культуры, науки, образования, здравоохранения. Тем самым вопрос вопросов состоит не в том, сколько – много или мало – должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а в обеспечении **качества государственного участия** в управлении экономической, социальной и культурной сферами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017.
- Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Круммы, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2016.
- Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды». М.: ФНИСЦ РАН, 2018. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osenyu_2018.pdf (дата обращения: 03.08.2019).
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов, Б.Н. Кузык. М.: Ин-т экон. страт., 2010.
- От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян / Под ред. В.В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2007.
- Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития: сборник статей / Под общ. ред. Г. Горцка, Р. Круммы. М.: РОССПЭН, 2010.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса / Пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара, 2016.
- Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина. М.: МГУ, 2015.
- Шахид Ю. Экономика развития сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о мировом развитии / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2012.
- Russia: The Challenges of Transformation / Ed. by P. Dutkiewicz, D. Trenin. New York; London: New York University Press, 2011.
- The Social History of Post-Communist Russia / Ed. by P. Dutkiewicz, R. Sakwa, V. Kulikov. Abingdon, UK: Routledge, 2016.

SOCIAL OUTCOMES OF THE POST-SOVIET TRANSFORMATIONS

GORSHKOV M.K.

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mikhail K. GORSHKOV, Dr. Sci. (Philos.), Academician of the Russian Academy of Sciences, Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (director@isras.ru).

Abstract. The article is devoted to the analysis of the social consequences of an almost 30-years long period of post-Soviet transformations. The empirical basis was the results of 9 waves of the all-Russian 2014–2018 sociological monitoring. The modern social structure of post-reform Russian society is considered in the context of its revenue stratification and in cross-country comparison. Assessment of the level and quality of life of different groups is given taking into account indicators of objective and subjective well-being/trouble of Russians based on their perception of current social reality. The degree of satisfaction with various aspects of their everyday life, as well as the psychoemotional states characteristic of them in different social situations, is considered as a key indicator of subjective well-being/non-well-being. In a generalized analysis of the social results of a quarter century of Russian transformations. The dynamics of social mobility of Russians from the late 1980s was also discussed until now. The author completes the analysis of the social changes that have taken place with the formulation of a number of postulates about the social results of post-Soviet transformations.

Keywords: post-Soviet transformations, social structure, income stratification, inequality, objective well-being, subjective well-being, social mobility, mass consciousness, psychological well-being.

REFERENCES

- Bogomolov O., Kuzyk V. (eds) (2010) *Noneconomic Facets of Economy: Unknown Mutual Influence. Scientific and Publicistic Notes of Social Scientists*. Moscow: In-t econ. strat. (In Russ.)
- Dutkiewicz P., Trenin D. (eds) (2011) *Russia: The Challenges of Transformation*. New York; London: New York University Press.
- Dutkiewicz P., Sakwa R., Kulikov V. (eds) (2016) *The Social History of Post-Communist Russia*. Abingdon, UK: Routledge.
- Gorshkov M.K. (2017) *Russian Society in the Context of a New Reality. To the Results and Continuation of the Sociological Megaproject*. Moscow: Ves'Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V. (eds) (2011) *Twenty Years of Reform through the Eyes of Russians: the Experience of Many Years of Sociological Measurements*. Moscow: Ves'Mir. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds) (2018) *Twenty-Five Years of Russian Transformations: Experience of Sociological Analysis*. Moscow: Ves'Mir. (In Russ.)
- Gorzka G., Krumm R. (eds) (2010) *Russia: Results of the Decade (1998–2008) and Development Prospects*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Fedorov V.V. (ed.) (2007) *From Yeltsin to Putin: Three Eras in Historical Consciousness of Russians*. Moscow: VCIOM. (In Russ.)
- Russian Society in the Fall of 2018: Anxiety and Hope*. (2018) Moscow: FNISTS RAN. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Rossiiskoe_obschestvo_osenyu_2018.pdf (accessed: 03.08.2019). (In Russ.)
- Shahid Y. (2012) *Development Economics through the Decades. A Critical Outlook at 30 Years of the World Development Report*. Moscow: Ves'Mir. (In Russ.)
- Shestopal E., Shutova A., Yakunina V. (eds) (2015) *A Quarter of a Century after the USSR: People, Society, Reforms*. Moscow: MGU. (In Russ.)
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. (2016) *Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up*. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Moscow: In-t Gaydara. (In Russ.)
- Tikhonova. N.E. (ed.) (2018) *Model of Income Stratification of the Russian Society: Dynamics, Factors, Inter-country Comparisons*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T. (ed.) (2016) *Russians' Life World: 25 Years (Late 1980s – mid 2010s)*. Moscow: TsSPiM.

Received: 10.08.19. Final version: 28.08.19. Accepted: 02.09.19.